

Международное и внутригосударственное право

ПРАВОПРЕЕМСТВО МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРЕННИЕ АСПЕКТЫ

Г.М. Вельяминов*

Правопреемство между Российской империей и Российской Федерацией в общественном политическом сознании представляется иногда как бы саморазумеющимся. Можно встретить при этом и суждения, что такое правопреемство имеет некое внутригосударственное отражение, в частности в том, что касается преемства обязательств между имперской государственной властью и теперешней по отношению к частным лицам. Между тем ответы на вопросы, связанные с международным правопреемством России, не столь очевидны. Попытаемся лишь в первом приближении подойти к данной проблеме с позиций права.

«Вопросы о международной личности государства (его правосубъектность. — *Авт.*) являются ключом к проблеме правопреемства государства... Если потеряна территория, в то время как личность государства и юридическая ответственность остаются неизменными, то это характеризуется как “частичное правопреемство”»¹, — утверждает новозеландский ученый Д.Р. О’Коннелл.

Согласимся, что действительно ключ к пониманию вопроса правопреемства лежит в сохранении старым или установлении новым субъектом международного права своей личности, в том числе и при изменениях наименования, природы государственной власти и территориальной целостности государства.

Отметим также, что международная правосубъектность определяется не только территориальным суверенитетом² “нового” государства, но и признанием его со стороны других государств. В этом вопросе более предпочтительной представляется классическая конститутивная теория признания: “...государство является и становится международным лицом только и исключительно благодаря

*Профессор, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН. Подробнее об авторе см. в № 3 нашего журнала за 1993 год.

признанию”³. Декларативная теория самопровозглашения правосубъектности, хотя и обрела ряд сторонников⁴, на наш взгляд, не выдерживает испытания практикой⁵.

Что касается правопреемственной цепочки (допустим, эвентуальной): Российская империя — РСФСР — СССР — РФ, то, исходя из предложенной выше посылки, прежде всего необходимо выяснить, сохранились ли в этой цепочке международная личность государства и его юридическая ответственность независимо от изменений наименования государства и его политического строя. Очевидным представляется, что, хотя территория Российского (в широком смысле) государства изменялась и дважды изменялся его социально-политический строй, международная его личность неизменно сохранялась.

Уже первоначально составные элементы государства, что касается РСФСР, не отличались юридически от таковых в Российской империи: та же самая территория (хотя и урезанная); то же самое население (хотя и уменьшенное); власть хотя политически иная, но обеспечивающая территориальный суверенитет. Здесь не затрагиваются возможные вопросы, связанные с последующим правопреемством РСФСР — СССР, а также СССР — РФ, поскольку в этих случаях, можно полагать, не возникает более существенных осложнений в плане рассматриваемой проблематики.

После октябрьского переворота Советское государство, как известно, декларировало аннулирование отнюдь не всех вообще договоров, заключенных Российской империей, а лишь ее неравноправных договоров со странами Востока. Полностью сохраняли свое действие иные договоры, в частности, что особо важно, с соседними государствами о границах, в том числе с Турцией, Ираном, Афганистаном, Китаем, Японией, США, а по внешним долгам царской России и Временного правительства, согласно позиции советской России, в принципе сохранялась ответственность этой последней, но не возникала у отделившихся от России государств, что было закреплено в мирных договорах РСФСР с Латвией, Литвой, Польшей и Эстонией⁶.

Декретом советского правительства от 21 января 1918 г. были аннулированы долги царского правительства по займам, предоставленным, как утверждалось, для борьбы с революционным движением собственного народа и ведения империалистической войны. Однако, заявлялось в Меморандуме российской делегации на Генуэзской конференции от 20 апреля 1922 г., “если советская власть отказывалась от принятия обязательств прежних правительств... то не потому, что вообще она не способна или не склонна сдерживать обязательства, а по причинам принципиального характера и политической необходимости”⁷.

Разумеется, можно дискутировать о правомерности или неправомерности отказа РСФСР от ряда долгов старой России, но при этом нельзя упускать из виду, что, во всяком случае, в те времена (думается, и поныне⁸) считалось, что “общепризнанных правовых начал по отношению к государственным долгам, конечно, установить нельзя”⁹. Нельзя отрицать и преемство, пусть и не полное, юридической ответственности от Российской империи к Советской России.

На наш взгляд, РСФСР, а затем СССР и РФ, таким образом, не являлись новой международной личностью (в отличие, например, от отделившихся от России Финляндии и прибалтийских государств), и можно применительно к РСФСР говорить не более чем о “частичном правопреемстве”, но никак не о полной смене международной личности и о “полном правопреемстве”.

Сохранившаяся сначала в виде РСФСР преемственная российская международная личность получила также и международное признание (хотя и не конституирующее, поскольку новой международной личности вообще не возникало) от других государств, первоначально со стороны отделившихся Польши, прибалтийских стран и Финляндии (в частности, в мирных договорах РСФСР с лимитрофами), а потом и иных стран. Последним (ноябрь 1996 г.) наглядным свидетельством такого признания является Соглашение между Францией и Россией о погашении Россией прежних, “царских”, долгов.

Сказанное выше касается вопроса о международном правопреемстве между Российской империей и современной Россией. Но это не относится к проблеме правопреемства внутрироссийских правоотношений между государственной властью и частными лицами, в частности в связи с национализацией частной собственности в советской России.

“Священное” право территориальной суверенности государственной власти оказывается превалирующим над “священным” правом частной собственности. Право государственной власти, в частности, на национализацию не подвергается и донныне сомнению в международной правовой практике и доктрине. Отличие состоит в том, что правомерной может признаваться национализация с компенсацией убытков потерпевшим собственникам. Принцип такой “незамедлительной, адекватной и эффективной” компенсации является, в частности, обычным условием многочисленных международных соглашений о поощрении и защите инвестиций, в том что касается компенсации убытков иностранных инвесторов от национализаций (и иных экспроприаций) их собственности в капиталистическом государстве¹⁰. Уже само включение таких оговорок в международные соглашения говорит о том, что для правового обес-

печения соответствующих компенсаций требуется в каждом случае конвенционное межгосударственное урегулирование, и не существует общепризнанного правила на этот счет. Тем более это относится к вопросу о компенсации убытков от национализации для отечественных собственников.

Не содержит международных обязательств для государств-участников воздерживаться от национализаций или предоставлять компенсацию собственникам национализируемого имущества и известная Римская конвенция от 4 ноября 1950 г. "О защите прав человека и основных свобод" (см. в особенности ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции). Во всяком случае, даже не весьма строгие положения названной статьи о том, что "никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права"¹¹, не имеют обратной силы для государств-участников.

В связи с этим приходится признать, что и национализация частной собственности, произведенная в России советской властью после октябрьского переворота, в правовом смысле, если, конечно, признавать эту власть правомочной, была "законной", а, следовательно, для отмены национализации нужны специальные российские денационализационные акты, что подтверждает практика и восточноевропейских государств, в том числе прибалтийских, после крушения в них социалистического строя.

Представляется при этом, что не избежать необходимости реституционных, денационализационных актов, даже если попытаться доказать (что весьма проблематично, в частности в свете изначального международного признания РСФСР) неправомочность советской власти, ее противоправность и т.д. По такому пути не пошли и прибалтийские государства, хотя и утверждая неправомочность их "оккупации" Советским Союзом и незаконность произведенной в этот период национализации, а следовательно, логически не было, казалось бы, необходимости в особых денационализационных законах.

Выводы:

Современная Россия — РФ является правопреемницей Российской империи, РСФСР и СССР.

Международное право не содержит четких общих норм в отношении урегулирования государственных внешних долгов в случаях частичной или полной международной правопреемственности.

Международное право не содержит общих, в том числе универсальных конвенционных, норм, принципиально запрещающих внут-

ринациональные национализации и иные экспроприации частной собственности, или норм, предусматривающих компенсацию потерь собственников.

Для отмены национализации частной собственности, произведенной в советской России, без таковой отмены нельзя говорить всерьез о действительной десоветизации, необходимы реституционные, денационализационные акты государственной власти современной России.

¹ О'Коннелл. Правопреемство государств.— М., 1957.— С. 34.

² См. Аречага Э.Х. де. Современное международное право.— М., 1983.— С. 265.

³ Оппенгейм. Международное право.— Т. 1, п/т 1.— М., 1994.— С. 136.

⁴ См., к примеру, Броунли Я. Международное право.— Кн. первая.— М., 1977.— С. 148.

⁵ См. Вельяминов Г.М. Правовой статус субъектов Российской Федерации и проблемы признания // МЖМП.— 1995.— № 10—11.

⁶ См. Барсегов Ю.Г. Предисловие // О'Коннелл.— Указ. соч.— С. 31.

⁷ Внешняя политика СССР. Сборник документов.— Т. II.— М., 1944.— С. 306.

⁸ Не внесла должной ясности в эту проблему и Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов от 8 апреля 1983 г.

⁹ Лист Ф. Международное право.— Юрьев (Дерпт), 1917.— С. 282—283; Gacworth. Digest of International Law.— 1940.— Vol. 1.— P. 539.

¹⁰ См. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России.— М., 1995.— С. 162, 166.

¹¹ Действующее международное право.— Т. II.— М., 1997.— С. 125.

Статья поступила в редакцию в марте 1998 г.

АКТУАЛЬНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ю.В. Трунцевский, И.В. Упоров*

В настоящее время в международном праве, к сожалению, еще остались неразработанными и нерешенными многие вопросы, в том числе и проблемы, связанные с уголовно-правовой сферой. Остановимся на некоторых из них.

* Кандидаты юридических наук из Рязанского института права и экономики МВД Российской Федерации.